

Увидев, как их отец измучился до бледности, трое детей не смогли сдержать себя. Они оставили мать и вторую дочь ухаживать за стариком, а старший сын и младший сын Тун Вэйго отправились к племяннику старосты, чтобы заставить его извиниться.

Но тот даже не стал их слушать:

— Кто знает, от чего отравился старик? Эта семья просто хочет выманить у меня деньги!

Гнев Тун Вэйго был настолько силён, что он уже замахнулся, чтобы ударить, но его остановил подоспевший Чжао Ли.

Племянник старосты тоже был не из лучших — он дружил с несколькими местными бандами, и если бы Тун Вэйго ударил его, кроме временного удовлетворения, это принесло бы ещё больше проблем.

Тун Вэйго негодовал:

— Неужели мы просто позволим им так наглеть?!

Чжао Ли сказал:

— Испорченные рисовые шарики наверняка были не один, давай поищем, может, ещё кто-то отравился.

В уезде Линьшуй была только одна крупная больница, и если у кого-то появлялись симптомы вроде боли в животе и рвоты, они сразу шли туда.

Так что двое молодых людей снова отправились в больницу и обнаружили, что отравились ещё три человека, съевшие рисовые шарики из того же лотка.

Тун Вэйго сказал с решимостью в глазах:

— Мы уже решили, что четыре семьи вместе поднимут этот вопрос. Мы не позволим этим чёрным торговцам уйти от ответственности!

Уезд Линьшуй был небольшим, и за один день слухи о том, что в одном из лотков с рисовыми шариками нашли что-то не то, разнеслись повсюду. С каждым пересказом история искажалась всё больше, превратившись в «отравление с летальным исходом, и не одного человека».

Люди, ругая недобросовестных торговцев, также с тревогой думали об этом:

— Ведь это же смерть!

— Лучше больше не есть эти рисовые шарики!

Некоторые особо пугливые даже отчитывали своих детей, говоря им не покупать на улице отравленную еду ради экономии времени.

Таким образом, неизбежно, популярность всех уличных лотков с едой в уезде значительно снизилась.

Даже Ван Пинпин, чей бизнес был известен и которая славилась своим добродушием, тоже пострадала: её доходы от продажи ланч-боксов падали уже пять дней подряд.

Не видя другого выхода, Ван Пинпин отправилась с тележкой к небоскрёбу «Цинтянь».

Хотя на ещё не достроенной стройке уже была столовая, качество еды там оставляло желать лучшего. На тележке Ван Пинпин были не только вкусные блюда, но и заранее приготовленные закуски вроде свиных ножек, куриных лапок и утиных желудков, которые идеально подходили для закуски к алкоголю.

На стройке, где работа была тяжёлой, рабочие часто любили собираться вместе во время перерыва, чтобы выпить и перекусить. Прораб, видя, что ничего серьёзного не происходит, закрывал на это глаза.

Таким образом, закуски Ван Пинпин разлетались мгновенно. Хотя их цена была немного выше, чем у обычных блюд, они могли храниться несколько дней, что было удобно.

В следующие несколько дней Ван Пинпин поручила приготовление ланч-боксов Чжао Ли, а сама сосредоточилась на изучении закусок, надеясь создать более вкусные и разнообразные блюда.

В этот день, после ужина, Ван Пинпин велела детям делать уроки, а сама снова отправилась на кухню экспериментировать с блюдами. Погружённая в работу, она вдруг услышала, как Тун Цянь громко заговорил:

— Третья тётушка, что вы тут делаете!

Ван Пинпин вздрогнула, чуть не уронив бутылку с соусом.

Когда она наклонилась, чтобы поднять её, третья тётушка уже, несмотря на попытки Тун Цяня остановить её, ворвалась в дом.

Ван Пинпин холодно посмотрела на них, не удостоив их даже улыбкой. Кто это такой важный, что приходит без предупреждения и ведёт себя так нагло?

Сунь Сяолань тоже пришла, и, увидев, что Ван Пинпин не хочет с ней разговаривать, её зависть и ненависть снова вспыхнули. Почему, занимаясь тем же самым — приготовлением рисовых шариков, Ван Пинпин может спокойно зарабатывать большие деньги, а она страдает из-за недобросовестных конкурентов?

Раньше, когда Сунь Сяолань и третья тётушка начали совместный бизнес, они зарабатывали около двадцати юаней в день. Учитывая, что деревня Дая была бедной, а эти две семьи — особенно, двадцать юаней хватало, чтобы прокормить три поколения.

Но потом, увидев их успех, другие тоже начали копировать их бизнес, и клиентов стало меньше, а доходы постепенно снижались.

Две женщины были в отчаянии, готовые разгромить все лотки, мешающие их заработку, но прежде чем они успели что-то придумать, появились слухи о том, что кто-то отравился рисовыми шариками.

Теперь последние клиенты тоже ушли, и их бизнес начал приносить убытки.

Попробовав вкус денег, они не хотели просто так бросить всё и вернуться к работе в поле. Поэтому, посоветовавшись, они решили снова обратиться к Ван Пинпин.

Несмотря на все слёзы и жалобы третьей тётушки, Ван Пинпин оставалась безучастной, сосредоточившись на своей работе.

Когда никто не отреагировал на её плач, третья тётушка смутилась и не знала, что сказать.

Тогда Сунь Сяолань, решив сдержаться, первой заговорила:

— Пинпин, ты готовишь что-то?

Ван Пинпин даже не подняла головы:

— Малыш сказал, что хочет свиных ножек, а те, что продают на улице, ему не нравятся, вот я и готовлю.

Третья тётушка загорелась:

— А это можно продавать?

Ван Пинпин насмешливо посмотрела на неё:

— Если хочешь узнать, попробуй сама приготовить и продать.

Третья тётушка почувствовала гнев, но сдержалась:

— Просто... у нас нет твоего мастерства. Если тебе не трудно, научи нас.

Теперь Ван Пинпин даже не стала смотреть на них:

— Не стоит гнаться за всем сразу, сначала разберитесь с рисовыми шариками!

Эти слова Ван Пинпин были уже открытым вызовом. Сунь Сяолань, униженная таким образом, хотела уйти, но третья тётушка её остановила.

Третья тётушка, много лет проработавшая на стороне, умела держать себя в руках. Если перед ней маячила выгода, пара обидных слов её не остановила бы.

Однако Ван Пинпин уже твёрдо решила, что больше не позволит этим людям снова и снова приходить к ней. Несмотря на все уговоры и мольбы третьей тётушки, она осталась непреклонной, а потом и вовсе сослалась на то, что ей нужно ехать в уезд по делам, села на велосипед и уехала.

Третья тётушка, держа Сунь Сяолань, побежала за ней, но не догнала и, запыхавшись, начала ругаться:

— Ну что, разбогатела и возомнила о себе! Всё равно ведь вдова! Посмотрим, как я тебя потом проучу!

Кто-то неожиданно спросил у неё сзади:

— Как ты её проучишь?

Третья тётушка обернулась и увидела, что это был маленький сын Ван Пинпин, который смотрел на неё с мрачным выражением лица, и сразу замолчала.

Тун Цянь усмехнулся:

— Третья тётушка, дело не только в удаче, но и в человеке. У некоторых людей такие узкие взгляды, что им и суждено только терять деньги!

Сунь Сяолань, ненавидя Ван Пинпин, перенесла неприязнь и на Тун Цяня:

— Ты, малыш, возомнил о себе!

Тун Цянь парировал:

— Я хоть не хулиган, который бьёт всех подряд!

Сунь Сяолань задрожала от гнева. Она много денег тратила на своего сына Тун Эрбао, покупая ему вкусности и игрушки. Тот любил хвастаться перед сверстниками, но был жадным и ревнивым. Один мальчик не удержался и потрогал его машинку, а Тун Эрбао, увидев это, толкнул его так, что тот упал и разбил нос.

Мальчик заплакал, но Тун Эрбао не успокоился, подошёл и дал ему две пощёчины и три пинка, а потом ушёл с гордым видом.

После этого случая родители стали следить за своими детьми, чтобы те обходили Тун Эрбао стороной. Сунь Сяолань уже натерпелась косых взглядов в деревне, а теперь Тун Цянь намеренно насмеялся над её сыном. Она, разозлившись, выпалила:

— Маленький, а язык уже острый, не боишься, что после смерти его вырвут?

Едва она произнесла эти слова, как почувствовала холодный взгляд. Подняв глаза, она увидела, что тот парень, которого, как говорили, усыновила Ван Пинпин, стоял неподалёку и смотрел на неё с почти пугающей чернотой в глазах.

Под таким взглядом Сунь Сяолань почувствовала страх.

Тун Цянь лениво добавил:

— Лучше подумай о своём сыне. Сейчас он бьёт, а вдруг потом убьёт? Не дай бог, он даже не успеет тебя похоронить.

Сказав это, он, не дожидаясь, пока Сунь Сяолань взорвётся, побежал к дому.

Чжоу Минъянь стоял на пороге и, увидев, как Тун Цянь подбегает, вдруг положил руку ему на голову.

<http://bllate.org/book/16382/1482833>